

Диана Рымарь

Жена на два дня

RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р95

Рымарь, Д.

Р95 Жена на два дня / Д. Рымарь. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 378 с.

ISBN 978-5-521-91985-7

Чего вы ждете после пышной свадьбы? Счастливой жизни? Пфф... не угадали! Впрочем, как и я...

В принципе никогда не хотела себе такого мужа. Слишком привлекательный, слишком богатый, слишком влиятельный и обаятельный. В нем все слишком. Но как такому откажешь? Он же мне прохода не давал! Красиво ухаживал, в итоге добился чего хотел. Я влюбилась без оглядки. Мы были очень счастливы, сыграли свадьбу. А через два дня он меня выгнал.

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-91985-7

© Диана Рымарь, текст, 2022
© Татьяна Георгиева, обложка, 2022
© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

*Что самое главное в браке?
Желание во что бы то ни стало
сберечь любимого человека.*

Диана Рымарь

Часть 1

История одного развода

Глава 1. Как это было

— Просыпайся, дрянь!

Грубый мужской голос прорвался сквозь вату утреннего дурмана.

Совсем не в таком состоянии Яна привыкла просыпаться. Обычно с утра была бодра и весела. А вот сегодня все тело ломило, будто ее били. Веки никак не хотели подниматься, складывалось ощущение, что их смазали клеем.

Кое-как раскрыв глаза, Яна откинула с лица русую прядь волос, оглядела люкс для молодоженов. Не могла понять, почему все вокруг покачивалось, плыло. Пару раз моргнув, она сфокусировала взгляд и увидела в углу комнаты Давида, своего мужа. Он сидел в черном кресле, одной рукой опирался на подлокотник, а второй поглаживал подбородок, заросший короткой черной щетиной.

Давид, как всегда, обалденно выглядел, несмотря на то что белая рубашка была помята, а волосы взъерошены. Синий пиджак лежал рядом на диване. Видно, муж его скинул, когда пришел. Давид сидел почти без движения, наблюдал за Яной. Она попыталась догадаться, что же скрывалось за непроницаемым взглядом его черных глаз, и не смогла.

Давид порой бывал очень загадочен. Не раз случалось, вот так уставится на Яну и смотрит, смотрит, а потом бросится к ней, обнимет крепко-крепко, признается в любви.

Объятий и признаний очень хотелось, тем более что она больше суток их не слышала, ведь мужу пришлось срочно улететь по работе — в самом разгаре медового месяца.

Муж... у нее же теперь есть муж! Как Яне нравилось называть Давида мужем — не передать словами. Свершилось, спилось, она стала женой самого замечательного в мире мужчины. самого любимого и самого любящего.

Он ухаживал за ней так, что захватило дух у нее, у ее коллег и еще у половины мира. Ведь Давид Охикян — публичная персона, один из самых завидных холостяков Москвы, тридцатилетний красавец. За ним следили, его восхваляли, о нем постоянно писали в прессе.

Давид сделал ей предложение в Париже, у Эйфелевой башни. Потом поселил ее в своем доме в Подмосковье, организовал шикарную свадьбу и в медовый месяц отвез на Гавайи. Обещал любить до конца жизни.

О чем еще могла мечтать начинающая модель, а по совместительству продавщица книжного?

Тут всплыла в мозгу фраза, которая ее разбудила: «Просыпайся, дрянь!»

«Дрянь? Он назвал меня дрянью? Да нет, он не мог, я спросонья ослышалась...» — тут же решила Яна.

И действительно, с чего бы новоиспеченному супругу через два дня после свадьбы так ее называть?

— Привет, — превозмогая не пойми откуда взявшуюся головную боль, Яна попыталась ему улыбнуться. — Ты уже прилетел? Я рада. Иди ко мне!

Очень хотелось обнять Давида, но сил подняться отчего-то не было, тело не слушалось. Яна в жизни не чувствовала себя более разбитой и уставшей, чем этим утром.

— Ты издеваешься? — процедил он сухо. — Хватает же наглости...

— Что плохого я сказала? — спросила она сдавленным голосом.

Потихоньку села в кровати и только тут сообразила, что лежала абсолютно голой. Рубиново-красное покрывало, которое валялось скомканным у нее в ногах, не в счет. Длинные русые волосы шелковистой копной прикрыли плечи и часть груди, однако Яна все равно потянулась к одеялу, стыдливо прикрылась.

«Может быть, ему не понравилось, что я спала голой в его отсутствие? — пришла в больницу новая мысль. — Кстати, а почему я спала голой?»

— Думаешь, я лягу к тебе в постель? — продолжал Давид, сузив глаза.

— А что плохого, если ляжешь? — спросила Яна и заморгала.

— Хм... может, еще и трахнуть себя попросишь? — зло хмыкнул он. — В той же койке, где кувыркалась с любовником... Ты зарвалась, дрянь такая! Совсем за дурака меня держишь?

Это слово «дрянь» будто торпедой врезалось в мозг.

«Все-таки не ослышалась! И что там он говорил про любовника?» — ее гудящая голова заработала в полную силу, пытаясь обработать новые данные.

— Про какого любовника ты говоришь? — спросила Яна, уставившись на мужа. — У меня нет никакого любовника!

— Ты считаешь меня дураком? — спросил он спокойным, почти мирным голосом. — Я оценил, какие презенты ты готовила к моему возвращению. Не ожидала, что я вернусь раньше, да, милая? Сюрприз-сюрприз.

Яна заметила, как он бросил взгляд куда-то вбок от кровати. Осторожно потянулась к краю постели, взглянула на пол и вздрогнула.

На бордовом ковре валялись разорванные золотистые квадратики фольги, а рядом лежали презервативы. Использованные и завязанные так, чтобы не вытекло содержимое. Три штуки.

— Офонареть... — только и смогла она из себя выдавить.

— Цирк не устраивай, — процедил Давид, да так зловеще, что Яна вздрогнула. — Быстро объясняй, как эта грязь оказалась возле твоей кровати? Я слушаю.

О, Яна очень хотела бы это объяснить. И с удовольствием сделала бы это, знай она как. Но она не знала. Попыталась вспомнить вчерашний вечер и не смогла. Все, что осталось в памяти, — как она отправилась ужинать в ресторан в гордом и грустном одиночестве, ведь Давид улетел по делам, а ее оставил куковать одну.

Заказала форель в сливочном соусе и... все. Чистый лист. Как так?

Боль в голове была враз забыта.

Яна представила, как, должно быть, ужасно это все выглядело для Давида и принялась оправдываться:

— Это не мое... Я клянусь тебе, ни с кем не спала! Я...

— Не стыдно тебе врать прямо в глаза? — процедил Давид сквозь зубы. — На задницу свою посмотри!

Яна вскочила с кровати, все еще прижимая к груди покрывало. Подошла к шкафу с зеркальной дверью, посмотрела на себя и ужаснулась. На левой половинке попы отчетливо виднелись синяки, которые могли оставить только мужские пальцы. Причем жать надо было сильно, чтобы сделать такие явные отметины. Подобное она точно должна бы запомнить. Но нет!

Как Давид это разглядел? Наверное, она спала кверху задницей, пока он ее не разбудил.

— Что скажешь в свое оправдание? — голос Давида просто убивал спокойствием.

Яна уставилась на мужа и вдруг отчетливо поняла — что бы она в эту минуту ни сказала, он не воспримет. Уже все для себя решил.

— Давид, я бы никогда... Слышишь? Я бы ни за что тебе не изменила! — попыталась она доказать свое.

А потом бросилась к нему в надежде, что выслушает. Но он выставил вперед ладонь и ледяным тоном процедил:

— Не смей подходить ко мне.

Яна замерла на полпути, уставилась на него круглыми глазами, не зная, что делать дальше.

Зато Давид, кажется, знал. Его глаза снова сузились.

— Я хочу, чтобы ты немедленно покинула отель и исчезла из моей жизни, — продолжил он тем же деланно спокойным тоном.

Вот тебе и вышла замуж за лучшего мужчину на свете.

— Но постой... — попыталась она его разжалобить. — Давай разберемся? Это какая-то ошибка...

— Ошибка — то, что я женился на нищей швали, думая, что беру в жены достойную женщину. А теперь пошла вон.

Щеки Яны тут же порозовели, впрочем, как и шея, а также грудь.

Детдомовская шваль... не счесть, сколько раз ее за детство и юность успели так назвать. Но в том-то и дело, что ты шваль, пока сама считаешь себя таковой. Яна так давно не считала.

Да, в ней не найдешь ничего выдающегося, разве что кроме внешности. При росте метр семьдесят она была на редкость стройной, тонкокостной. Кроме того, спасибо родителям, обладала приятными чертами лица, большими синими глазами, густыми, необыкновенно длинными волосами. В свои двадцать два она не начала никакого стартапа, не построила головокружительной карьеры, но успела получить образование. До встречи с Давидом неплохо справлялась со своим житьем-бытьем, работала продавцом в книжном, делала ремонт в полученной от государства квартире, строила планы на будущее. Швали живут по-другому.

— Ты не имеешь права меня так называть! — заголосила она. — Не смей меня оскорблять!

И тут напускное спокойствие Давида будто рукой сняло.

Он подскочил с места, навис над ней и взревел:

— Шваль! Я с тебя пылинки сдувал! Я тебя любил! Я на тебе женился, а ты тут трахалась у меня за спиной! Да как тебе не стыдно?!

— Я не тр...

Он не дал ей продолжить. Схватил за лицо и вдавил пальцы в нежную кожу. А отпустив, вытер руку о брюки, будто коснулся чего-то жутко грязного.

— Таких, как ты, нужно чипировать и отслеживать, сообщать нормальным людям, чтобы держались подальше. Тебя стерилизовать надо, чтобы, не дай бог, не плодилась. Клеймо на лбу поставить, чтобы все видели, какая ты дрянь...

Яна опешила от такой отповеди.

— Давид, я... — попыталась она ответить.

— Заткнись! — заорал он, заходясь еще сильнее. — Я больше никогда не хочу тебя видеть! Никогда в своей жизни... Запаха твоего чувствовать не хочу, голоса слышать не желаю. Ты мне омерзительна!

Выплюнув эти слова ей в лицо, Давид схватил ее за затылок и как есть голую, с прижатым к груди одеялом, вытолкал из спальни, а потом и вовсе из номера. Пихнул вперед, да так крепко, что Яна чуть не упала.

Его телохранители, которые стояли возле дверей, тут же отвернулись, едва увидели, что жена хозяина не одета. Однако двое постояльцев, стоявших дальше по коридору, отнюдь не были столь же деликатны. Молодые люди уставились на Яну во все глаза.

— Пошла вон из отеля! — гаркнул Давид, указывая ей в сторону лифтов.

— Хотя бы дай мне одеться! — попросила Яна, старательно кутаясь в одеяло.

— Зачем шлюхе одежда? — хмыкнул он. — Голая иди!

С этими словами он сорвал с нее одеяло.

Яна вскрикнула, попыталась поймать полы драгоценного покрывала, но не вышло.

— Давид, ты что?! — вскрикнула она в отчаянии. — Отдай!

Но он лишь полоснул ее злобным взглядом и отшвырнул красную ткань подальше, преградил Яне путь, чтобы она не вздумала потянуться за одеялом.

— Пожалуйста! — взмолилась она, кое-как прикрываясь руками.